

Цзин Цичэнь был на грани нервного срыва. Он стал отцом, даже не подозревая об этом. Переехав в этот жилой комплекс, почувствовав присутствие себе подобных, он обнаружил, что его сын всё это время был рядом с ним — разве может быть что-то более шокирующее?

Сяо Дуньэр осторожно протянул руку, глядя на Янь Сюя большими глазами:

— Дядя Янь, можно я потрогаю Дань-Даня?

Едва он произнёс эти слова, как Дань-Дань сам протянул свою пухлую ручку и схватил палец Сяо Дуньэра. Другой рукой он похлопал Янь Сюя по руке и радостно воскликнул:

— Братик Цыпленок! Хо-го!

Этот малыш всё ещё помнил о хот-поте.

— Когда у Дань-Даня вырастут зубки, папа приготовит его дома, — Янь Сюй считал, что взрослый желудок справится с уличной едой, но у такого маленького ребёнка пищеварение слишком нежное, и лучше не рисковать.

— Есть! — Дань-Дань смотрел на папу своими большими глазами. Он наконец вылупился! Стал человеком! Хочет тушёную свинину! Хочет хот-пот! Хочет яблоки! Столько вкусняшек!

Янь Сюй уложил Дань-Даня в заранее подготовленную колыбель и попросил ошарашенного Цзин Цичэня сходить вниз за детской смесью и бутылочкой. На этот раз Цзин Цичэнь даже не стал спорить о деньгах. Он в полном оцепенении взял деньги, которые протянул Янь Сюй, так же механически открыл дверь и нажал кнопку лифта.

Тем временем Янь Сюй был на седьмом небе от счастья. Он поцеловал щёчку Дань-Даня — она была такой нежной и упругой, что казалось, это самый милый ребёнок на свете. Янь Сюй теперь находил Дань-Даня идеальным во всём, настолько милым, что его сердце таяло.

Наверное, большинство мужчин, впервые ставших отцами, чувствуют то же самое. Даже когда ребёнок вырастет, он всё равно будет казаться им милым.

Сяо Дуньэр тоже перестал есть тушёную свинину. Он опустился на колени на диван и, получив разрешение Янь Сюя, своей тонкой рукой коснулся щёчки Дань-Даня. Дань-Дань схватил его палец ртом, и Сяо Дуньэр с трудом вытащил его, сияя от счастья:

— Дядя Янь, Дань-Дань такой милый!

Дань-Дань, поняв, что его хвалят, гордо поднял голову:

— Дань-Дань милый!

Янь Сюй был в восторге. Он снова поцеловал щёчку Дань-Даня, и его взгляд был полон

нежности и обожания:

— Да, Дань-Дань самый милый.

Тем временем Цзин Цичэнь, отправившийся за смесью, был в растерянности.

— Какая смесь лучше? — спросил он, совершенно не разбираясь в детском питании.

Продавщица, покраснев, смотрела на Цзин Цичэня. Она не могла представить, как выглядит жена такого красивого мужчины, но не забыла о своих обязанностях:

— У нас самые популярные — импортные смеси. Вот этот ряд, все с хорошей репутацией.

Она объяснила Цзин Цичэню состав смесей, а также некоторые детали их производства и упаковки.

Цзин Цичэнь, не зная, что выбрать, купил по одной банке каждого бренда. То же самое он сделал и с бутылочками, чтобы Янь Сюй сам выбрал подходящую.

На обратном пути в жилой комплекс Цзин Цичэнь заметил магазин детской одежды и, не осознавая, зашёл туда.

Несмотря на яркие и пёстрые наряды, некоторые из которых были платьями для девочек, Цзин Цичэнь находил всё красивым. Он уже представлял, как Дань-Дань будет выглядеть в этих вещах.

— Три вещи по цене двух, — улыбнулся продавец. — Дети быстро растут, и, возможно, через несколько дней новая одежда станет мала.

Цзин Цичэнь согласился и купил почти весь ассортимент магазина — вещей оказалось так много, что он не смог унести их сам, и, не желая показывать свои способности перед продавцом, попросил доставить покупки на дом.

По дороге он не пропустил ни одного магазина, связанного с детскими товарами, и, расплачиваясь, испытывал странное чувство удовлетворения — у него теперь был сын!

Однако он не решался сказать Янь Сюю, что он второй отец Дань-Даня. Ведь Янь Сюй тоже неожиданно стал отцом, и сам Цзин Цичэнь не знал, как это произошло... Мысль об этом вызывала лёгкое сожаление...

Когда Цзин Цичэнь вернулся домой, в одной руке он нёс смесь, в другой — бутылочки, словно только что вернулся с оптового рынка.

По сравнению с Янь Сюем, Цзин Цичэнь выглядел как настоящий глупый отец.

— Так много? — удивился Янь Сюй, принимая покупки. Он тоже не знал, какая смесь или бутылочка лучше, и мог полагаться только на интуицию.

Сначала он обдал бутылочки кипятком, затем налил туда смесь и, дождавшись, пока она остынет до нужной температуры, поднёс к губам Дань-Даня.

Хотя это была не тушёная свинина и не хот-пот, Дань-Дань не отказывался от еды. Он выпил две бутылочки за раз, как будто это был напиток. Его щёчки покраснели, и после пятой бутылочки он почувствовал, что его маленький животик переполнен, и сказал Янь Сюю:

— Папа, Дань-Дань хочет писать.

Янь Сюй впервые помогал ребёнку сходить в туалет, но он был готов!

Выйдя из ванной, он указал на себя и спросил:

— Дань-Дань, ты знаешь, что я твой папа?

Дань-Дань смотрел на Янь Сюя своими большими глазами и очень мило кивнул:

— Папа! Папа самый лучший!

Хотя все говорят, что дочери — это маленькие ангелы, но его сын был не хуже. Янь Сюй целовал его то в одну щёку, то в другую, не в силах остановиться. К девяти часам вечера, не поужинав, Янь Сюй наконец почувствовал голод. Он передал Дань-Даня Цзин Цичэню и пошёл разогреть остатки еды.

Цзин Цичэнь, держа Дань-Даня на руках, был словно окаменевший. Он смотрел на лицо малыша, находя в нём сходство с собой. Возможно, когда Дань-Дань подрастёт, Янь Сюй заметит что-то странное.

Цзин Цичэнь украдкой взглянул на Янь Сюя, который был занят едой. Он, подражая Янь Сюю, тоже поцеловал пухлую щёчку Дань-Даня — какая мягкость!

Дань-Дань засмеялся и похлопал Цзин Цичэня по щеке:

— Дядя!

Цзин Цичэнь тоже улыбнулся, взял маленькую ручку Дань-Даня и поцеловал её.

Цзин Цичэнь оглядел комнату. В гостиной горел яркий свет, температура была комфортной, и

всё выглядело так, как он видел в телевизоре — как настоящий дом.

Но этот дом не принадлежал ему. Прожив столько лет, он не имел ни семьи, ни друзей.

Новые знакомые оборотни, будь то маленькие или большие, относились к нему с трепетом. Он привык к такой одинокой жизни и уже не замечал одиночества.

Как будто он мог пить только родниковую воду и есть только плоды бамбука, и за столько лет уже не чувствовал их вкуса.

Но привычки глубоко укоренились в нём, и изменить их было трудно.

— Ты останешься ночевать? — спросил Янь Сюй, уже вымыв посуду. Ему хотелось, чтобы Цзин Цичэнь остался, ведь он не был оборотнем и не знал, на что обращать внимание. С двумя детьми дома он боялся не справиться.

Но Янь Сюй понимал, что не может быть таким эгоистичным. Цзин Цичэнь не был ему родственником, и помогать ему было проявлением доброй воли, а не обязанностью. Янь Сюй всё же обладал некоторым пониманием.

Однако его слова явно дали Цзин Цичэню повод остаться. Он с пониманием сказал:

— Ничего страшного, я переночую на твоём диване. Если что-то случится, я смогу помочь.

— Но... — Янь Сюй колебался, — разве у тебя завтра не дела?

Цзин Цичэнь вспомнил, что завтра у него была назначена встреча, но теперь это стало незначительным делом. Он с искренней улыбкой ответил:

— Дата уже была перенесена, у меня сейчас свободные дни. Тебе одному будет тяжело, я могу помочь.

— Господин Цзин, ты такой добрый человек, — растрогался Янь Сюй. — Такая отзывчивость — большая редкость.

Цзин Цичэнь улыбнулся:

— В этом нет ничего особенного. Нужно верить, что в мире есть место доброте.

Янь Сюй был глубоко тронут. Он взял руку Цзин Цичэня и посмотрел ему в глаза. Цзин Цичэнь вдруг почувствовал, как по его телу пробежал электрический разряд, заставивший его сердце биться быстрее. Янь Сюй твёрдо сказал:

— Господин Цзин, я не знаю, как отблагодарить тебя, но если тебе что-то понадобится, я сделаю всё, что в моих силах.

<http://bllate.org/book/15574/1386787>